

Рина Беж

РАЗВОД

Первый шаг к счастью

Рина Беж

Развод. Первый шаг к счастью

<https://litres.ru/74206844>

Аннотация

– Ну что, готова, мамочка, к возвращению домой? – подмигивает мне медсестра и легко, словно, фокусница, подхватывает в каждую руку по свертку с младенцем. – Да, готова. Отвечаю улыбкой на улыбку. И первая покидаю небольшую комнатку, где моих девочек одевали в красивые комплекты на выписку и закутывали в белоснежные кружевные конверты. Спускаемся со второго этажа по лестнице. Открываю и придерживаю дверь, пропуская детскую медсестру вперед. – И где же у нас родственники Васильевой? – громко спрашивает она. – Тут! Тут! Тут! Мы тут! – Алешка с цветами в руках налетает, как ураган, обнимает меня, целует в щеку. – Поздравляю, систер! Вручает мне букетище. – Моя девочка! Моя дочечка, поздравляю родная! Спасибо тебе! Спасибо, – мамуля догоняет братишку. Тоже меня целует и сразу к конвертам. – Так... так... – заглядывает сначала в один, потом в другой. – Так... и где тут наша красавица? – Обе наши, мама, – отвечаю ей, перехватывая и удерживая взгляд. Пара секунд заминки. Ну да, беременна-то я была одним ребенком, не двумя. И она согласно кивает. – Ну раз обе наши, значит, обе! Ловко забирает у медсестры малышей. ***

"Ида, мне нужна жена моего статуса, а не художница, размалевывающая машины", - сказал муж, подав на развод. Не остановила его даже моя беременность. "Хорошо. Я уйду", - не стала упорствовать и вернулась в свой родной город. Это был самый верный шаг в сторону собственного счастья.

История участвует в литмобе "Развод с властным":

♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	65
Глава 12	71
Глава 13	75
Глава 14	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Пролог

ПРОЛОГ ИДА

– Ну что, готова, мамочка, к возвращению домой? – подмигивает мне медсестра и легко, словно, фокусница, подхватывает в каждую руку по свертку с младенцем.

– Да, готова.

Отвечаю улыбкой на улыбку. И первая покидаю небольшую комнатку, где моих девочек одевали в красивые комплекты на выписку и закутывали в белоснежные кружевные конверты.

Спускаемся со второго этажа по лестнице. Открываю и придерживаю дверь, пропуская детскую медсестру вперед.

– И где же у нас родственники Васильевой? – громко спрашивает она.

– Тут! Тут! Тут! Мы тут! – Алешка с цветами в руках налетает, как ураган, обнимает меня, целует в щеку. – Поздравляю, систер!

Вручает мне букетище.

– Моя девочка! Моя дочечка, поздравляю родная! Спасибо тебе! Спасибо, – мамуля догоняет братишку. Тоже меня целует и сразу к конвертам.

– Так... так... – заглядывает сначала в один, потом в другой. – Так... и где тут наша красавица?

– Обе наши, мама, – отвечаю ей, перехватывая и удерживая взгляд.

Пара секунд заминки. Ну да, беременна-то я была одним ребенком, не двумя.

И она согласно кивает.

– Ну раз обе наши, значит, обе!

Ловко забирает у медсестры малышей.

"Ида, мне нужна жена моего статуса, а не художница, размазывающая машины", - сказал муж, подав на развод. Не остановила его даже моя беременность.
 "Хорошо. Я уйду", - не стала упорствовать и вернулась в свой родной город.
 Это был самый верный шаг в сторону собственного счастья.

Глава 1

ИДА

– Ида, что случилось?

Дрожащей рукой не с первой попытки блокирую телефон и убираю его в карман. Внутри, в груди нарастает боль.

Ширится, ширится, ширится. Кажется, еще чуть-чуть, и она разорвет меня на части.

Бах! И разлечусь на молекулы.

Была Ида и нет ее.

А ведь я знала, знала, что так будет. Мы все знали. И мама, и я, и Лёшка. Врачи не давали нам благоприятных прогнозов. Рак желудка в той стадии, когда уже пошли метастазы, неизлечим. Но разве можно быть готовым к смерти родного человека?

Нет. Нельзя.

Не поверю тому, кто скажет иначе.

Невозможно к этому подготовиться. Всё равно будет больно. Очень больно.

– Ида! Милая, ты слышишь меня?

Сквозь звон в ушах улавливаю обеспокоенный голос мужа. Смаргиваю пелену слез, застилающую взор, и наконец вижу лицо Андрея.

Супруг встает из-за стола, приближается ко мне и присаживается на корточки. Накрывает мои колени своими круп-

ными сухими ладонями.

– Ида. Кто тебе звонил? Ты вся побледнела.

Раскрываю рот, чтобы ответить, но вместо этого получается сначала со всхлипом втянуть в себя воздух, некрасиво булькнуть и только потом выдать то, во что пока не верю.

– Андрюша, п-папа умер.

– Артём Александрович? – супруг сводит брови вместе, хмурится. – Вот как. Мне очень жаль, малыш.

Киваю.

– И мне... мне тоже жаль... так жаль, Андрюша... – делюсь с близким человеком наболевшим, – я не представляю, как мы теперь сможем без него жить.

– Сможешь, милая. Конечно, сможешь. Ты у меня сильная, – убеждает Андрей.

Он крепче сжимает мои колени и проводит по ним ладонями вверх-вниз.

И еще раз. И еще.

Смотрю на такой незамысловатый повторяющийся жест поддержки и кусаю до крови губы. Пытаюсь срастись со словами мужа, которому привыкла доверять. Он старше. Он опытнее. Он мудрее.

Я сильная... сильная... сильная...

Но, наверное, не в этот раз. Потому что самовнушение дает сбой.

Нет, я не сильная.

Я – папина дочка. И сейчас мне очень и очень плохо. Сей-

час я слабая.

Плотину сдержанности прорывает горячими слезами. По-
даюсь вперед, ближе к крепкому плечу, цепляюсь за шею и
безжалостно заливаю темно-серый пиджак и голубую рубаш-
ку солеными потоками.

– Ну-ну... успокойся, Идусь. Не надо рвать себе сердце.
А то и мне, глядя на тебя, плохо становится, – увещевает
любимый.

Не хочу, чтобы ему было плохо.

– П-прости, но я... я не могу ус-спокоиться. Я же не ве-
рила, Андрей, до последнего... – давлюсь очередным всхли-
пом, а когда он немного отпускает, договариваю, – врачи го-
ворили... а я не верила, понимаешь?

– Понимаю, конечно, понимаю, малыш. Тише-тише, я с
тобой. Я рядом.

Андрей выпрямляется и поднимает меня на ноги. Но
только для того, чтобы поменять нас местами. Сам садится
на стул, где до этого была я, а меня определяет к себе на ко-
лени.

Обнимает, гладит по спине. И молчаливо выслушивает
еще пару признаний, пока не раздастся короткий стук в
дверь.

– Ух ты! Что за всемирный потоп, Щербаковы? – на поро-
ге с широкой улыбкой на губах останавливается Инга Дер-
бенина.

Двадцативосьмилетняя красавица-брюнетка, чьи родите-

ли тесно дружили с родителями Андрея, даже вели совместный бизнес, пока не попали под лавину на горнолыжном курорте в Германии шесть лет назад.

С тех пор Инга стала для Щербаковых-старших практически дочерью, а Андрею названной сестрой. Неудивительно, что, закончив университет, она пришла на работу в компанию моего мужа и теперь плотно занимается пиар-деятельностью, раскручивая «Робот-Инжиниринг». Фирму Андрея, занимающуюся поставкой, прописыванием программ и наладкой работы промышленных роботов из Китая, постепенно внедряемых на предприятиях.

– У Иды умер отец, – вместо меня отвечает супруг.

Я просто киваю. Одновременно Инге, подтверждая озвученные слова, и самому мужу, протягивающему мне белоснежный платок, вынутый из кармана.

– М-м-м... соболезнаю, – Дербенина проходит внутрь, плотно притворяя за собой дверь. – Когда вылетаешь, Ида?

Да, до родного города на машине слишком далеко. Почти две с половиной тысячи километров. Двое суток практически без сна. Не мой вариант. Нужно лететь самолетом. Четыре часа, и я на месте.

– Я только узнала о папе, – признаюсь, морща лоб. – Не смотрела пока билеты.

– Ну и зря. Тебе же надо быстрее, а мест свободных может не быть. Конец бархатного сезона, как-никак. Хотя... – размышляет она вслух, – одно-то местечко всегда должно най-

тись. Главное, ведь долететь, не важно, каким классом.

— Одно? — цепляюсь за то, что царапает мозг. Выбор класса полета меня действительно мало волнует. — Андрюш, ты разве со мной не летишь?

Оборачиваюсь, вглядываюсь в серьезное лицо мужа. Прежде чем ответить, он смотрит на Ингу, только потом на меня.

— Идусь, у нас завтра китайцы прилетают. Подписание новых договоров, — произносит, тяжело вздохнув. — Я должен их хотя бы встретить и умаслить. Но обещаю, что на сами похороны, естественно, прибуду.

— Вообще-то... — вмешивается Дербенина.

Но продолжить ей Андрей не позволяет.

— Я должен попрощаться с тестем, Инга. И я это сделаю. Не обсуждается, — бросает на свою названную сестру строгий взгляд.

— Молчу-молчу, — вскидывает вверх обе руки та. — Хозяин-барин.

Муж кивает, принимая ее ответ, и помогает мне подняться.

— Поехали домой, Ида. Обед в ресторане отложим до твоего возвращения. Сейчас для него не лучшее время.

Согласно киваю.

Кабинет покидаем втроем. Инга, виляя бедрами и цокая каблуками, уходит к себе. Андрей, отдав секретарю распоряжения и предупредив, что до завтра его не будет, берет меня

за руку и ведет к лифтам.

В семь вечера мой самолет взмывает вверх и уносит меня в сторону Адлера.

Глава 2

ИДА

– Пятьдесят четыре года всего, о-хо-хо-нюшки. Такой молодой ушел. Ему вся статья была бы жить да жить, – сокрушается соседка тётя Люда.

– И не говори, Люсь, – негромко вторит ей еще одна соседка тётя Женя. – Артёмка же не пил, не курил. Работяга такой, каких нынче днем с огнем не сыщешь. А всё одно, не стало хорошего мужика.

– Да так всегда и происходит, девчонки. Он, – дядька Николай важно указывает глазами на небо, – всегда самых лучших из нас к себе первыми забирает.

Дождавшись паузы в разговоре, наклоняюсь к говорящим и негромко уточняю:

– Всё в порядке у вас? Может, еще что-то хотите? Я закажу.

– Нет, Идушка, всё замечательно. Всего хватает, девочка. Не переживай. Присядь лучше, посиди с нами.

Тётя Люда накрывает мою руку своей и несильно сжимает, стремясь поддержать.

На самом деле столы ломаются от еды. И официанты следят, чтобы всего хватало. Вовремя забирают опустевшие тарелки и заменяют их на полные.

Мама хотела сама готовить на поминки, но я ее отговори-

ла. И теперь очень рада. Пусть спокойно посидит, пообщается со всеми. Ей это надо.

За последние дни она здорово сдала. Осунулась, почернела, стала лишь бледной копией себя прежней.

Но я не могу ее в этом винить.

Папа для мамы был всем. Опорой, поддержкой, стеной, любимым. Тем, кто умел поддержать в сложностях, развеселить в момент печали и, не стыдясь других, обнять и поцеловать даже посреди улицы, сказав, что она – его любимая девочка.

А теперь папы нет. Мама осталась одна и пока не понимает, как жить дальше.

Мы все не понимаем.

Ни я, пусть и давно покинувшая отчий дом. Ни Алешка, мой младший брат, которому едва исполнилось двадцать два.

Но маме... маме сложнее всего.

– Идочка, мы с мужиками, пожалуй, пойдем уже, – Денис Иванович, папин зам, последние месяцы взваливший на себя все обязанности по руководству автосервисом и закупками, аккуратно касается моей руки.

– Так рано? Может, еще посидите? – уговариваю остаться.
– Сейчас второе горячее подавать будут.

– Спасибо, дочка. Мы уже сытые, чес-слово. Да и не гулянье тут, чтобы портки просиживать до ночи. Вы тоже все устали, – Денис Иванович обхватывает мои сцепленные в за-

мок руки своими. – Всё хорошо, не волнуйся.

– Ладно, – киваю. – Раз так, я вас тогда провожу.

В папином сервисе работают полтора десятка человек – это не маленький закуток из нескольких старых гаражей на пару автомобилей, а современный довольно большой вытянутый ангар под триста квадратных метров с отдельными боксами, где в одном машины чинят, во втором меняют масло, в третьем разбирают и ремонтируют движки, а в четвертом занимаются пескоструйной обработкой и покраской.

И все работники, сориентировавшись на поднимающегося из-за стола Лифанова, тоже встают. Прощаются с мамой, жмут руку Лешке, потом мне.

– Это вам с собой, – передаю Руслану, моему бывшему однокласснику, пакет с алкоголем и едой. – Помяните сами, раз здесь не очень удобно.

Рожков пришел к отцу в сервис сразу после армии, сначала простым слесарем на подхвате, а теперь он уже один из лучших спецов, прекрасно разбирающийся в «мозгах» машин.

– Ид, да не надо.

– Надо, Рус, не спорь, – перебиваю его и мысленно выдыхаю, когда он все же забирает из моих рук совсем не легкую ношу.

Я же видела, что многие поминали папу компотом или обычной водой.

У отца всегда с дисциплиной на работе строго было. Ни-

каких алкогольных загулов или прихода на смену с бодуна или с перегаром. Сразу отстранял от дела. Либо как стекло и работаешь нормально, либо бери отгул за свой счет.

Не зря папин сервис у многих на слуху и пользуется неизменной популярностью. К нему и из Сочи, и из Адлера приезжают, когда что-то важное с машиной. Движок застучал или нужно покрасить идеально. Или затянуть в защитную пленку морду и крылья дорогих авто.

Проводив мужчин, возвращаюсь за стол.

– Выглядишь уставшей, милая, – Андрей обнимает меня со спины и поглаживает по плечу, едва я к нему подсаживаюсь.

– В голове каша какая-то, – признаюсь, поворачиваясь к нему лицом. – Ведь все дни чем-то занималась, бегала, договаривалась, покупала, а сейчас всё смазано, будто во сне перемещалась. И единственный четкий момент перед глазами, как гроб в землю опускают.

Муж, как обещал, прилетел сегодня с утра и, пусть ему постоянно то пишут, то звонят, дергая и отвлекая, старается быть рядом и поддержать.

– Постепенно станет легче. Ты – сильная, малыш, просто дай себе время, – Щербаков притягивает меня к своему плечу, заставляя на себя опереться, и сцепляет мою ладонь со своей, скрещая наши пальцы.

– Спасибо, что ты тут, со мной.

– Перестань. Это мой долг, как твоего мужа.

Последние приглашенные на поминки уходят в начале восьмого. Тогда начинаем собираться и мы.

Официанты помогают упаковать в контейнеры оставшуюся еду. Перестаралась я немного с заказом, часть порций – что салаты, что нарезки, что горячее, даже не успели подать на стол. Хотя пришли все и даже больше.

Это очень мило. Папу многие знали. Многие уважали и любили.

Он действительно был хорошим человеком.

Домой едем на двух машинах – заказанных Андреем. В одной я с мужем и Алешка. Во второй мама с тетей Любой, маминой сестрой-близняшкой, и ее мужем Владимиром.

А едва заходим в коттедж, не сговариваясь все идем на кухню и завариваем чай с малиновым листом и мятой.

– Я вам во флигеле постелила, – мама отправляет нас с Андреем отдыхать, как только замечает, что я клюю носом.

– Спасибо, Вера Семеновна, – муж помогает мне подняться и, как маленькую ведет за собой, держа за руку.

В доме моих родителей он неплохо ориентируется, потому что мы каждое лето проводим здесь, приезжая расслабиться и отдохнуть от работы и суеты большого города.

Вот и в июне были, когда папа узнал о диагнозе.

– Поцелуй меня, Андрюш, и согрей, – тянусь к любимому, когда спина касается прохладной простыни.

– Ты же спать хотела, Ид? – подкалывает он, но в ласке не отказывает.

Гладит, целует, нежит, распалает.

– Я по тебе соскучилась, – признаюсь, – а еще очень тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Муж пытается быть нежным еще минут пять, а потом возбуждение берет своё, и он становится привычно жадным и ненасытным.

Мне нравится.

В этот момент я не могу думать ни о чем постороннем. Ни о печальном, ни о грустном, заставляющем болеть душу. Супруг яростными выпадами выбивает из меня всё под чистую, оставляя только одну потребность – получить удовольствие.

Засыпаем на сбившихся влажных простынях в обнимку, а просыпаемся от ненавистного пиликания телефона. Щербакову снова звонят.

Матерясь, Андрей отвечает, я сонными глазами смотрю на часы. Начало девятого. Спать бы еще да спать.

– Мне нужно возвращаться в Питер, Ида, – прибывает супруг новостью, едва погасив экран. – С китайцами возникли вопросы, на которые ответить смогу только я.

– Но я пока не могу оставить маму.

Натянув простыню на грудь, сажусь на постели.

Андрей, до этого вскочивший и отошедший к окну, приближается. Опускается на край кровати и притягивает меня к себе. Целует в висок.

– Оставайся столько, сколько нужно, малыш. Я понимаю

и не тащу тебя назад. К тому же погода классная, а у тебя, помнится, остались не отгулянные две недели.

– Вообще-то три.

– Тем более. Развеетесь с матерью, пообщаетесь девочками, подумаете и решите, что делать с оставшимся после отца бизнесом.

Не хочу отпускать его одного. Но в словах мужа слишком много здравого смысла. Да и отпуск мне действительно положен.

– Хорошо. Но я буду писать и звонить тебе каждый день.

– Договорились.

Мне кажется, в глазах мужа мелькает удовлетворение, но я записываю его на счет нашей жаркой ночи.

Глава 3

ИДА

Благодаря тётушке и дяде Вове у мамы не получается надолго проваливаться в тоску и слезы. Особенная связь близнецов словно подсказывает Любаше, когда лучше надавить и хитростью подтолкнуть сестру на какие-то действия: съездить на кладбище, сходить в церковь, прогуляться к морю, сварить холодные щи или нажарить бычков в томате, а когда отступить и дать ей возможность всё же побыть одной, погрустить.

Я зачастую составляю им компанию, а иногда ухожу прогуляться, чтобы наедине с собой осмыслить и принять то, чего больше никогда не будет. Но больше всего времени провожу с братом.

– Лёхен, ты поступаешь глупо! – в очередной раз нагло оккупировав его кровать, заваливаюсь животом на покрывало, подгребаю под себя подушку и упираю в нее локти. – Последний год осталось доучиться, и диплом в кармане. Какой, нафиг, академ?

– Я уже всё решил, Дусь, и обсуждать не собираюсь!

Брат не смотрит на меня. Сидит за столом, уткнувшись лбом в сцепленные в замок ладони, и постукивает ногой.

Мне очень хочется подойти к нему, обнять, ткнуться носом в короткий ёжик на затылке и взъерошить длинную чел-

ку. Но я остаюсь на месте.

Не хочу, чтобы он окончательно закрылся, приняв мою сестринскую поддержку за бабское сюсюканье. Тем более и разговор серьезный. А что до «всё решил и обсуждать не собираюсь», так сейчас мы именно этим и занимаемся. Обсуждаем и решаем.

– А я прошу тебя подумать о своем будущем еще раз, – произношу ровно. У меня нет цели продавить брата криком. Я хочу достучаться до его здравомыслия, не нагнетая. – Все твои друзья и одноклассники сейчас тебя поддерживают, конспекты скидывают, работы помогают подтянуть, пропуски прикрывают. И в деканате ситуацию понимают, гасить и придирааться не станут, зачеты проставят. Давай уже, Лёсик, добей эти полгода, потом на диплом спокойно выйдешь и будет легче. В следующем году в незнакомой группе так просто уже не прокатит.

Брат вскидывает голову, но ко мне не оборачивается. Смотрит прямо перед собой. В стену.

– Окей, представим, что я соглашусь. А что с сервисом станет? Кто, по-твоему, эти полгода будет тянуть отцовский бизнес, Ид? Мне не разорваться, а мать... Мама – педагог у нас, сама знаешь, она никогда не сунется туда, где ничего не понимает.

– Знаю. Тут ты прав.

Вот теперь Алешка разворачивается, седлает стул и укладывает предплечья на деревянную спинку. Ловит мой взгляд

своим, удерживает.

– Ну и? Твои варианты, систер? Кто встанет у руля на ближайшие полгода-год? Лифанов?

– А почему нет? Он же нормальный мужик.

– Никто не спорит, что нормальный, – серьезно кивает брат. – Он честный, ответственный, никогда не станет крысятничать или саботировать простои. Но и рвать задницу бесконечно за чужое дело он не будет.

– А если повесить оклад, найти ему помощника, прописать всё в должностных обязанностях? – накидываю идею.

– Идусик, – выдыхает Лёшка медленно, будто шарик сдувается, – я у отца каждое лето и все свободное время последние годы проводил. Я знаю Лифанова прекрасно. Он – классный исполнитель и контролер, но не лидер. А бизнес – это не просто список пунктов, которые надо выполнять. Бизнесом нужно заниматься, развивать, подстраивать под новые реалии, нужно вкладывать в него душу, вникать и маневрировать. Иначе он захиреет. Да, не сразу, не через неделю и, может даже, не через месяц, но через три-пять без твердой руки хозяина в нём всё точно посыплется. И сколько понадобится сил, чтобы восстановить, никто не знает.

Смотрю на брата и не узнаю его.

Всего двадцать два парню, но...

Последние месяцы папиной болезни изменили его до неузнаваемости. Нет больше вечного весельчака и балагура нашей семьи. Вчерашний шалопай, сегодня ведет и говорит

серьезные вещи, правильные, как ни крути.

У меня язык не поворачивается назвать его парнишкой. Молодой мужчина – подходит ему гораздо больше.

И радоваться бы, что брат решил резко взяться за ум и взвалить на свои плечи мужские заботы и дела, но это неправильно. Всему должно быть свое время.

– Лёш, значит, твой вариант – бросить учебу практически в финале и переключиться на автосервис, так?

– Да.

– Я против!

– Других вариантов я не вижу, – не сдается он.

– А давай не будем рубить с плеча, – перекатившись, сажусь на кровати, скрещивая ноги. Подушку укладываю на колени сверху. На нее локти. – Предлагаю компромисс.

– Какой?

Несколько раз пробегаюсь зубами по нижней губе и всё же решаюсь.

– Я же тут три недели еще пробуду. Давай я поезжу в сервис, осмотрюсь. Что да как. А после мы с тобой снова к этому вопросу вернемся. Уж мне-то ты доверяешь?

– Тебе? – хмыкает Лёшка, на пару мгновений становясь самым собой, молодым безбашенным парнишкой. – На все сто процентов, систер. Ты ж сама в сервисе работаешь, Ид. Кто как не ты знает внутреннюю кухню.

– Но-но, вообще-то я только художник-аэрографист и знаю все больше со своей стороны. А не по управлению. Од-

нако, за доверие спасибо, мне очень приятно.

– Так у вас в Питере и сервис не такой, как наш, а огромная сеть, – не остается в долгу брат.

– Окей, убедил. Тогда, пока тут, я смотрю за бизнесом, а ты возвращаешься на учебу. По рукам?

Брат играет челюстью, обдумывая идею, но все же соглашается.

– По рукам.

Тянем друг к другу кулачки, ими стукаемся.

Следующие две недели я исправно занимаюсь обещанным. Алекс посещает универ. А мама, проводив сестру с мужем, которые пробыли у нас десять дней и обещали приехать на сороковины, потихоньку возвращается к работе.

Что касается папиного бизнеса, ее ответ простой, впрочем, мы с братом в нем не ошибались:

– Ребятки, мне ничего не надо. А вы сами смотрите. Как скажете, так и будет.

Глава 4

ИДА

– Лёхич, как ты смотришь на то, чтобы привлечь Руслана в помощь Денису Ивановичу?

– Рожкова?

Брат на пару секунд отрывает взгляд от дороги, чтобы посмотреть на меня.

Последние полторы недели я стала чувствовать себя странно и не очень хорошо. Слабость, тошнота, но больше всего меня беспокоит грудь. Очень болезненно она реагирует на любое прикосновение.

Сегодня утром, в очередной раз ощутив неприятные симптомы, не выдержала и решила не ждать возвращения в Питер. Уговорила Лёшку ничего не говорить маме и втихую отвезти меня в платную клинику, чтобы обследоваться.

Пусть удовольствие недешевое, зато без очередей, спешки и с полным раскладом результатов анализов, а не скупым «я все написал, читайте внимательней» можно пройти сразу несколько врачей.

Как бы не хотелось отрицать, но папин диагноз все же наложил свой отпечаток на мою мнительность. И пусть я в курсе, что унаследовать сам рак невозможно, но также я знаю, что можно унаследовать гены, которые увеличивают вероятность его развития.

И да, мне страшно.

Очень.

А вдруг я тоже?

Поэтому, чтобы не накручивать себя дальше, решила, что лучше перебдеть и после улыбаться, чем недобдеть и потерять драгоценное время.

– Верно, Лёш, его, – возвращаюсь к разговору, подцепляя большим пальцем ремень безопасности и оттягивая от себя подальше.

Мне не нравится, как он сковывает и давит на грудь, которая будто распухла и стала больше. Иначе с какого перепугу мой любимый лифчик сегодня оказался мал и мне пришлось срочно заменять его менее любимым, где чашечки побольше.

– Руслан – парень нормальный, пробивной, на лету всё схватывает. К тому же в новинках и запчастях шарит. Да ты и сам в курсе.

Замечаю, как брат кивает, и, воодушевленная, продолжаю.

– Если закупки перекинуть на него, а за Лифановым оставить руководство, будет равномерная нагрузка на обоих. Правда, тебе все равно придется появляться в сервисе ежедневно, чтобы проверять текучку и документацию. Но для этого будет достаточно заскакивать на пару-тройку часиков после универа. Так и мужики все останутся под контролем, и ты с образованием и в то же время спокоен, что гора дел

не навалится скопом.

– Не знаю, Ид. Ты уверена, что Рус потянет, а Дэн Иваныч согласится?

– Вполне, – отвечаю, еще раз подумав. – Я за ними эти недели внимательно наблюдала, работают оба хорошо. Но с перестановкой еще два момента пойдут нам в плюс. Первый, твои замы станут друг друга контролировать, причем, просить их об этом даже не придется. Лифанов был правой рукой папы, а тут у него появится «конкурент», – рисую пальцами кавычки. – Молодой да юркий. Дэн Иваныч неосознанно будет выискивать у Руса косяки. Руслан же, наоборот, начнет тянуться и наблюдать за Иванычем, чтобы тому соответствовать.

– Ну ты загнула, систер.

– Всего лишь просчитала поведенческие реакции обоих, – отмахиваюсь.

– Окей, с этим ясно. А второй момент какой?

– Второй момент – главный! – произношу торжественно. – И он заключается в том, что автосервис – теперь твой бизнес, Алексей Артёмович. Не Лифанова и не Рожкова. Твой собственный. И если ты примешь решение кого-то поднять по должностной лестнице, а кого-то разгрузить, то им с этим придется смириться. Как собственник, ты имеешь полное право делать удобные для тебя перестановки.

– Вообще-то, систер, автосервис папы – это наш общий с тобой бизнес. Так что...

– Ой всё, не ворчи, – перебиваю с улыбкой. – Я с боку-припеку, братиш, тем более, мне через три дня домой возвращаться. А что касается мужиков, если согласен, можно поговорить с каждым из них отдельно и для начала прощупать почву. Вдруг они сами обрадуются.

Братишка плавно обгоняет впередиидущий логан и притормаживает на красный свет светофора. Поворачивается ко мне и, на секунду зависнув на моем лице, кивает:

– Знаешь, Ид, в принципе я не против такого расклада.

– Вот и ладушки, – потираю руки, широко улыбаясь. – Значит, не будем задаливать и прямо сегодня вечерочком поговорим с Русом.

Но все планы меняются, когда узнаю результаты анализов. И даже если сначала не верю в услышанное, то тест и узи всё расставляют по своим местам.

– У вас не рак, Ида Артёмовна, а беременность. Внутриматочная. Хорошая. Примерно четыре – четыре с половиной недели. Поздравляю!

– Спасибо, – отвечаю на автомате. – А как же противозачаточные? Я принимала их три года и никаких сбоев никогда не было.

– Вполне возможно, случился пропуск в приеме лекарства или перекос во времени, или вы приболели и принимали антибиотики, ослабившие действие ОК, или же есть еще какая-то другая причина. Например, банальное отравление в момент, когда ОК не успел всосаться в кровь.

Ну да, не зря говорят, что лучшая защита от беременности, не заниматься сексом вообще.

А отравление, да, было. Парни в сервисе заказали пиццы с морепродуктами, и как-то те мне совсем не зашли. Помнится, пару дней валялась дома, то и дело бегая к белому фаянсовому другу обниматься, а потом еще и температура поднялась.

– Вы планируете рожать или прерывание? – становится серьезной врач, уловив на моем лице задумчивое выражение.
– Если последнее, то медикаментозно можно...

– Нет, никакого прерывания, – перебиваю ее, повышая голос. – Я буду рожать!

– Конечно-конечно... просто вы...

– Я... извините, – натягиваю на дрожащие губы улыбку, – я немного перенервничала. И это подозрение, что у меня рак...

– Переволновались?

– Да, – киваю. – Сильно.

– Ничего страшного, бывает. Но теперь больше не стоит себя накручивать. У вас всё в порядке, но встать на учет до двенадцати недель я все же вам порекомендую.

От врача выхожу с пачкой бумажек в ладони.

– Ид, ну как? – интересуется Лёшка, подскочив с диванчика, на котором меня ждал. Эх, еще один паникер, которого сама же накрутила.

– Всё в порядке, витамины выписали, – успокаиваю его.

– Я здорова.

– Точно?

– Абсолютно.

Глава 5

ИДА

Желание поделиться новостями с мужем разрывает меня на части. Приходится буквально бить себя по рукам, чтобы ему не позвонить.

Во-первых, рядом Лёшка, который бдит. А я хочу сначала обсудить увеличение нашей семьи с Андреем тет-а-тет и только потом радовать маму и брата. Во-вторых, ну что это за дело – оповещать мужа по телефону: «Милый, ты скоро станешь папой!»?

Неинтересно.

Хочется говорить это ему в лицо, чтобы видеть эмоции.

Не выдержав внутреннего накала – да меня за три дня разорвет на маленьких Ид от радости! – лезу в телефон и смотрю рейсы домой. Готова стартовать хоть сегодня, хоть завтра, но всё забито подчистую.

– Знаешь, Лёхич, я, пожалуй, не в субботу домой полечу, а в пятницу, – нахожу ближайший подходящий вариант и оформляю замену билета.

– Дусь, всё-таки что-то случилось? – хмурится брат, бросая на меня короткий косой взгляд.

Движение на дороге плотное. И он правильно делает, что сильно не отвлекается.

– Не-не-не... плохого точно ничего, – растягиваю губы в

улыбке. – Просто соскучилась по Андрюшке. Хочу сюрприз ему сделать.

– Ох уж эти женские сюрпризы... – ворчит Алексей Артемович, но со старшей сестрой, то бишь со мной, не спорит. – Редко они когда до добра доводят.

– Глупости не говори, – отмахиваюсь. – Мой муж будет только рад.

– Тогда сейчас в сервис, как планировали?

Переход на новую тему меня радует, но само предложение не очень. Морщу нос и качаю головой:

– Лёшик, а давай перенесем встречу на завтра? И вообще, может, я с Русом сама переговорю? Мы ж друг друга сто лет знаем. Так и попроще будет.

– Уверена?

– Ага.

– Лады. А на сегодня тогда какие планы?

Пожимаю плечами и признаюсь:

– Хочу на море сходить. Прогуляться, воздухом подышать, о жизни подумать. В Питере-то такой роскоши не будет.

Братишка поднимает солнечные очки на макушку и бросает на меня еще один взгляд. Более долгий и внимательный.

– Нет, Идка, что хочешь говори, но ты какая-то странная.

На ворчание никак не реагирую. Хотя нет. Тянусь к панели мультимедийной системы и, озуруя, переключаю ядовитый рок на более спокойную радиостанцию.

– Вот сам влюбишься, братиш, тогда посмотрим, какой ты странный станешь, – заявляю авторитетно. – И только не заливай, что тебе подобное не грозит.

Наставляю на него палец.

Остаток дня, как и задумываю, провожу на побережье. Предусмотрительно надев шорты, футболку и свитер, долго гуляю то по мелководью, то по песку, с удовольствием загребая его ступнями.

Шлепки в руках, бутылка воды в рюкзаке и туча мыслей в голове о том, как изменится наша с Андреем жизнь, когда в нее войдет сын или дочь.

Странно, мы уже три с небольшим года женаты, а вопрос, кого бы хотели родить первым – мальчика или девочку – ни разу не поднимали. Всё время откладывали его на потом, занимаясь карьерой и самими собой.

В среду к десяти утра еду в сервис. Руса нахожу в центральном боксе. Он, Дмитрий и незнакомец, наверное, хозяин машины, осматривают красавца зикра. Полностью черного, с сине-белым салоном, на двадцатых литых дисках.

– Всем привет! – здороваюсь с мужчинами и, подойдя ближе, присаживаюсь перед едва обкатанной машиной на корточки.

Провожу мизинцем по черкотине, перетекающей с задней правой двери на задний бампер, присвистываю.

– Ну ничего себе коцка. И на таком-то красавце. Ай-ай-ай!

– Привет, Ида, – Рус присаживается со мной рядом, протягивает кулак, чтобы стукнула, уточняет. – Что посоветуешь?

Еще раз присматриваюсь к царапине, задевшей даже слой металла.

– Глубокая, – комментирую и перечисляю список работ. – Затирать, грунтовать, красить.

Димка в такт моим словам кивает.

– А вы – маляр? – уточняет у меня хозяин авто, останавливаясь за спиной.

Поворачиваю к нему голову, смотрю снизу вверх – высокий, широкоплечий. И даже не удивляюсь, замечая в глубине глаз недоумение.

Ну да. Блондиночка ростом под метр шестьдесят и весом пятьдесят пять кило с приличными формами и узкой талией, в веселеньком платье в цветочек и на каблукках.

Конечно, на маляря я не тяну даже со скрипом.

Что и подтверждаю.

– Нет, аэрографист, – обозначаю свою специальность и, мысленно хихикая – глаза у мужика становятся еще круглее, – выпрямляюсь и протягиваю руку. – Ида.

– Николай.

На рукопожатие он, к слову, отвечает без раздумий. Сжимает мою ладонь крепко, но аккуратно.

– Так-с, по восстановлению я предлагаю следующее...

Дмитрий, спец по кузовной покраске, переключает вни-

мание клиента на себя, а я под шумок утаскиваю Рожкова во двор.

Как и предполагала, откровенный разговор с бывшим одноклассником складывается продуктивно. Руслан сходу не отказывается, соглашается попробовать. Существенная надбавка в рублях немало этому способствует.

Договариваемся обсудить всё более подробно уже в присутствии Алексея и разбегаемся. Рус к новоприбывшим клиентам, а я на второй этаж к Лифанову.

Разговор с замом отца строю по тому же принципу, что с Рожковым. Но тут давлЮ на немного другие кнопки.

– Денис Иванович, в заработке вы ничего не потеряете, но пласт работы по закупкам мы с вас снимем. Как вам вариант?

– А Рожков, Ид, думаешь, потянет?

– Будем смотреть, – говорю, как есть. – К тому же вы – профи, надеюсь, если что, сможете ему подсказать?

Лесть срабатывает. У Лифанова довольно вспыхивают глаза, и улыбка становится заметно шире.

– Отчего бы нет. Я, если честно, с компьютером все равно на вы. Так что подсказать подскажу, а за то, что разгрузите меня, еще и спасибо скажу.

– Договорились.

Пожимаем с Денисом Ивановичем друг другу руки.

Справившись с задачей, отбиваю брату сообщение, и спускаюсь вниз, чтобы в автомате заказать себе латте, и снова пересекаюсь с Николаем, владельцем зикра.

– Ида, скажите, а это правда, что машины с аэрографией угоняют в разы меньше?

Нажимаю на панели нужные кнопки, оплачиваю покупку. Давлю на старт и, обернувшись, киваю:

– По статистике, на каждые сто обычных угнанных автомобилей приходится всего один с аэрографией.

– Ничего себе, – присвистывает новый знакомый.

– Ну да, вот такой вот «прирост в сто раз к защите», – цитирую выдержку из недавно прочитанной статьи. – С другой стороны и ценник на аэрографию тоже немаленький. И он точно выше электронных противоугонных систем, если хотите наносить что-то масштабное.

– А если небольшое, но интересное? Можете посоветовать?

Пожимаю плечами, не спеша отказываться.

– Если только по самому рисунку. Нанести не успею, я возвращаюсь домой.

– Я думал, вы местная... – удивляется мужчина.

– Была местной, – подтверждаю с улыбкой, – пока не вышла замуж.

Перекинувшись еще несколькими фразами, обмениваемся с Николаем номерами телефонов. Я обещаю подумать, что могу ему предложить. А он обещает ответить на мои вопросы о личных интересах и предпочтениях, чтобы я понимала, на что ориентироваться.

=====

Приглашаю в свою историю **"Идеальное совпадение"**
<https://litnet.com/shrt/DJ4p>

– Серьёзно?! Ни «ой», ни «простите»?! Я думал, девушки, накосячив, хотя бы делают вид, что им неловко.

– А я думала, что взрослые мужчины не устраивают трагедию из-за одного коктейля. Это же не кислота, а «Космо». Высохнет – и будешь как новенький.
 Мы встретились в клубе. Точнее, мой розовый коктейль встретился с его белой рубашкой. И как понеслось...

Глава 6

ИДА

Самолет приземляется по расписанию. И первое, что я делаю, прежде чем покинуть борт, достаю из ручной клади теплую кофту и надеваю ее.

Теперь я обязана думать не только о себе, но и о будущем ребенке. И я думаю. Нам нельзя простывать, а вот беречься от октябрьского промозглого ветра надо.

Меня никто не встречает, но это и понятно. Не послушав брата, я все же решила устроить мужу сюрприз.

Заняв небольшую очередь, получаю багаж, вызываю по приложению такси. Через час с небольшим уже дома.

Распаковку вещей и подарков оставляю на потом, иначе не успею к концу рабочего дня попасть к Андрею в офис.

Захватив из шкафа чистое нижнее белье, иду освежиться в душ. После него, завернувшись в любимый махровый халат до пят, наношу увлажняющий крем и, как только он впитывается, подкрашиваю лицо.

Макияж я делаю не так часто. На работу в сервис он неуместен. Какая «штукатурка», если я зачастую в респираторе работаю? А в выходные дома – он лишний. Поэтому, получив результат, еще несколько минут себя разглядываю.

А ведь я хорошенькая! Особенно вот так, когда волосы после фена слегка взбиты и создают красивый объем, а глаза,

подчеркнутые тенями, мерцают загадочным блеском.

Для поездки выбираю брючный костюм насыщенного шоколадного цвета и кофейного цвета жилетку. На ноги удобные мокасины. Перекладываю из рюкзака в шоппер документы, кошелек и подарочную коробочку, в которую упаковала тест на беременность, бережно засунутый в детский носочек. Подхватываю ключи от машины и покидаю квартиру.

Пока лифт спускает меня на минус первый этаж, раздумываю над превратностями судьбы.

Кто бы мог подумать, что все эти ванильные глупости будущих мамочек, над которыми я так часто откровенно смеялась, затронут и меня тоже? В смысле, что и я захочу быть такой же ненормальной, как все?

Я же первая и не могла.

А оно вон как вышло.

И тест с двумя полосками не выкинула, решив сохранить его на память. И беленькие носочки с пышными рюшками в «Детском мире» приобрела и даже «первый альбом малыша», чуть подумав, уже купила. В последний решила записывать всё-всё-всё, что касается меня и ребенка, начиная с этого дня.

БМВ послушно реагирует и приветствует хозяйку мигающими фарами, едва мой палец нажимает на кнопку на пульте. Забравшись в салон, включая прогрев двигателя и с удовольствием вдыхая запах новой кожи, по которому, оказывается, успела соскучиться.

Машину я купила на свои заработанные полгода назад. Решила доказать любимому мужу, что моя работа – это не ерунда, как он считает, а место, где я тоже могу неплохо зарабатывать и реализовывать себя.

Любовно оглаживаю кожаную оплетку руля и, достав мобильный, устанавливаю его в держатель. Активирую голосового помощника.

– Офис мужа, – произношу вслух и жду пару секунд, когда навигатор выстроит удобный маршрут.

– Расстояние – двенадцать километров семьсот метров. Продолжительность поездки – восемнадцать с половиной минут. Пробки – шесть баллов. На улице Мира ремонтные работы, действует реверсивное движение, – раскладывает мне привычную аналитику приятный женский голос.

Еще раз глянув на часы, убеждаюсь, что успеваю идеально, и аккуратно трогаюсь с места.

Что оказывается неучтенным, так это то, что мой муж может отсутствовать на своем рабочем месте.

– Давно он на встречу уехал? – интересуюсь у секретаря, предварительно отказавшись от любезно предложенных чашечки кофе и стакана воды.

– Они с Ингой Викторовной покинули офис полтора часа назад.

– Вот как? – хмыкаю, грустно улыбнувшись. – Обидно. Хотела сделать ему сюрприз...

– Мне жаль...

Мне тоже. Комментирую мысленно. Уже разворачиваюсь, чтобы уйти, но в последний момент замираю и уточняю:

– Тамара, а вы случайно не в курсе, где эта встреча проходит? Может, я там сумею Андрея перехватить?

– Э-э-э... нет, к сожалению, – женщина качает головой и странно отводит взгляд в сторону. – Вы лучше ему позвоните.

Киваю.

– Да, пожалуй, так и сделаю.

На первый звонок Андрей не отвечает, как и на второй. Третий раз его набираю просто потому, что привыкла доводить дело до конца.

И... ура!... мне везет.

– Да, Ида? Привет! – здоровается супруг.

– А ты где? Сильно отвлекаю? – пропуская приветствие, сразу уточняю у него.

На заднем фоне слышится гул голосов и, кажется, приглушенная музыка.

– Э-э-э... нет, не сильно. Мы с родителями в ресторане. А ты как? Завтра вечером прилетаешь? Тебя встретить?

– Вообще-то уже прилетела, – смеюсь в трубку. – Представляешь, решила устроить тебе сюрприз, но ты, мой ненаглядный, оказался неуловимым. Хотя... где вы, Андрюш? Я сейчас приеду.

Заминка в ответе вызывает смешок.

Ну надо же как удивился!

– Ау, дорогой! – решаю подшутить. – Ты куда пропал?

– Прости, Ид, отвлекся.

– Понятно. Так где вы? Я на машине еще возле твоего офиса. В какую сторону мне держать путь?

Щелкнув по экрану, готовлюсь вбивать адрес.

Даже если сюрприз с ранним приездом не выгорел, другой сюрприз у меня всё ещё остался в рукаве. Точнее, в животе.

– М-м-мм... Ида, не обижайся, но я попрошу тебя поехать домой и дождаться меня там. У нас здесь... как бы тебе сказать, один важный вопрос, который мы должны обсудить в тесном кругу.

Теперь секунду на раздумье беру я.

– Ого, какие загадки, – не скрываю замешательства.

– Я тебе позже всё объясню, – обещает Андрей и быстро заканчивает разговор. – Прости, мне уже нужно идти.

Он скидывает вызов, а я так и продолжаю еще некоторое время держать трубку возле уха.

– Ничего себе... тесный круг, – проговариваю под нос, когда у машины по соседству вдруг начинает орать сигнализация.

Глава 7

ИДА

Щербаков ночевать не приезжает ни вечером, ни в полночь, ни в начале третьего. Дозвониться возможности нет. С десяти абонент находится вне зоны действия сети. У свекрови и даже Инги, которой за три года брака с Андреем я сама набирала не более пяти раз, телефоны тоже отключены.

– Вселенский заговор какой-то, – делаю печальный вывод и, вознамерившись дожидаться супруга в любом случае, засыпаю в гостиной прямо на диване. Хорошо, соображаю натянуть на себя плед, иначе бы замерзла.

Утро начинается в начале одиннадцатого. Организм, бодрствовавший полночи, добирает свое в нужном объеме, так что на него я не в обиде. Зато на мужа...

Протерев глаза, принимаю сидячее положение и осматриваюсь, потом и вовсе подскакиваю на ноги и, еще не веря в происходящее, обхожу каждую комнату и каждый угол.

Пары минут хватает, чтобы убедиться: Андрей так и не возвращался.

– Вообще ни разу не смешно, – цежу под нос и обнимаю себя за плечи.

Никогда не чувствовала себя настолько дезориентированной. Потому что еще ни разу не было такого, чтобы Щербаков не ночевал дома. Командировки, естественно, не в счет.

Теряясь в происходящем и мало веря в успех, нахожу завалившийся за подлокотник телефон и снова ему звоню.

В этот раз абонент в сети, но радоваться повода нет – трубку никто не берет.

А спустя час, когда через силу позавтракав и раздумывая, куда податься, чтобы искать любимую пропажу, на мой телефон падает сообщение. Андрей приглашает меня в ресторан на поздний обед.

«Ида, приезжай в «Париж» к 16.00. Я заказал столик»

– В «Париж»? Что за шутки?! – закатываю глаза, не спеша улыбаться, и принимаю решение серьезно с ним поговорить.

Даже если муж по какой-то причине остался ночевать у родителей – иных вариантов не представляю, мог бы сообщить, чтобы я не нервничала. Мы оба – взрослые люди, умеющие разговаривать и слышать друг друга. Не стоит об этом забывать, пропадая так внезапно и надолго. Иначе это очень сильно смахивает на пренебрежение.

Еще пару раз перечитав сообщение, гашу экран и, стараясь запихнуть обиду подальше, иду в спальню, чтобы выпотрошить гардероб и найти что-то настолько интересное, чтобы Андрей осознал свою ошибку.

Дальше подготовка. Ванна с расслабляющей пеной, масочки для лица, эпиляция, педикюр. В половине третьего наношу макияж, придавая глазам таинственной глубины, а губам блеска и объема, и закалываю волосы в псевдо-небрежный узел на затылке.

Брючный костюм цвета топленого молока и белоснежная блузка завершают образ утонченной нимфы. Хотя нет, завершают его золотые украшения: кольца, серьги, кулон и браслет, и туфли на безумно высокой шпильке. Обещаю себе, что лабутены надеваю в последний раз, потому что они идеально подходят к костюму и делают ноги бесконечными, но потом я даже в мелочах не стану рисковать беременностью.

Да-да, здоровье важнее красоты.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль такси останавливается возле «Парижа». В шестнадцать ноль пять захожу внутрь, и улыбчивый официант провожает меня за столик.

А в шестнадцать десять в шикарном ресторане при свечах Андрей сообщает мне о том, что нам нужно расстаться.

– Что?

– Ида, мне нужна жена моего статуса, а не художница, размазывающая машины.

Пожалуй, это самое романтическое расставание на свете, какое можно себе представить. Обидно, что представить я себе подобного не могла.

Зато легко смог Щербаков. Даже мое любимое вино заказал.

– Я уже подал документы на развод, – проговаривает он негромко, накрывая мою ладонь, комкающую салфетку, своей. – Детей у нас нет. Что касается совместно нажитого имущества... надеюсь, ты не станешь претендовать на мой биз-

нес, к которому никогда не имела никакого отношения. А я за это оставляю тебе купленную нами в браке квартиру.

Андрей еще несколько минут распинаясь про машины, которые мы купили каждый сам себе, а значит, тут и делить нечего. Затрагивает вопрос подарков и общего личного счета, который он обещает раздробить поровну. А я смотрю на него, такого бесконечно родного и близкого, вспоминаю, как несколько часов тщательно готовилась к свиданию с ним, заранее простив за всё-всё-всё... и ощущаю себя самой красивой «брошенкой» на свете.

– Андрюш, ты меня разлюбил, да? И давно?

Муж отводит глаза в сторону и пару бесконечно долгих мгновений молчит.

– Ид, любовь тут совершенно не причем. Я отношусь к тебе так же прекрасно, как и всегда, – проговаривает он, собравшись с мыслями. – Ты близкий мне человек, я тебя уважаю, но... буду откровенен, ты не подходишь мне по статусу. Пойми, рядом с главой компании должна находиться другая женщина. Более изысканная, сексуальная, а ты... ты обычная...

Обычная.

Кто бы мог подумать, что это довольно простое и частое в обиходе слово станет самым невероятным оскорблением в моей жизни.

– Обычная, значит, – повторяю вслед за ним и усмехаюсь, несмотря на боль, разливающуюся внутри. – И как успехи?

Нашел уже подходящую и необычную?

– Ида, прости...

Щербаков запускает пальцы в волосы, портя безупречную прическу, и бросает взгляд мне за спину. Короткий, не более секунды. Но я за него цепляюсь, как за крючок.

И тоже оборачиваюсь.

– М-мм, вот даже как... – тяну, все еще задирая уголки губ вверх, – действительно необычный выбор.

Глава 8

ИДА

Между столиков по направлению к нам дефилирует Инга.

Темные волосы свободной массой струятся по плечам и в приглушенном свете свечей отливают чернильным блеском. Платье-футляр лимонного цвета красиво облегает точеную фигурку и акцентирует внимание на аппетитных формах и тонкой талии. Обувь на высоких каблуках удлинняет ноги до бесконечности.

– Ну не идет, а пишет, – комментирую приближение Дербениной.

– Не надо так, Ид, – просит Андрей. – Инга ни в чем не виновата.

Отворачиваюсь от той, кто еще вчера в моем понимании была взбалмошной и острой на язык сестрой мужа, а теперь, как мне ясно дали понять, уже особенная женщина, та, кто подходит моему мужу по статусу, и неверяще качаю головой.

– Ну, конечно, не виновата. Она вообще не причем. Просто белая и пушистая, как ангелок... – не скрываю сарказма. – Ах, нет, поправочка, – щелкаю пальцами. – Сексуальная и изысканная, как дьяволица. Выбрал чудовище себе под стать?

– Ида, пожалуйста.

Гляжу на мужчину, которому доверяла, как себе, к кому

летела через полстраны, спеша порадовать будущим отцовством, с кем хотела жить долго и счастливо и воспитывать детей... и негромко интересуюсь:

– Андрюш, ты в ресторан-то зачем меня позвал?

Щербаков закусывает губу и ничего не говорит. А я молчать не хочу. В последний раз же, как понимаю, общаемся. Он ведь даже о разводе со мной не советовался. Не пытался поговорить, как-то решить недопонимание, найти «золотую середину» между им, великим и крутым, и мной, обычной. Считаю, постфактум в известность поставил. Еще и даму новую пригласил, продемонстрировал, чтоб уж наверняка...

Так что да, надо закрывать все вопросы здесь и сейчас, не растягивая мою агонию надолго. Потому что у голубков, точнее, у чертей, как вижу, все прекрасно.

– Неужто надеялся, что при людях я буду сидеть, молчать, хлопать глазками и обтекать? И даже скандал тебе не закачу? Или же боялся, что начну за тебя цепляться и истерить: не бросай меня, любимый?

– Ида! – одергивает.

Но по глазам вижу, что в цель попадаю.

От этого тошно вдвойне.

– Я двадцать шесть лет, Ида, Андрюшенька, – качаю головой. – И такой, как мне, обычной художнице, размалевывающей машины, совершенно наплевать, что о ней подумают подобные тебе экземпляры в этом зале. Потому что сюда я возвращаться больше не собираюсь, да и плевать мне на их

мнение. Но я уважаю себя и не считаю чем-то хуже вас. Даже у *обычных*, как я, есть достоинство.

Краем глаза цепляю достигшую нашего столика Дербенину, но голову к ней не поворачиваю. Так и смотрю на Щербакова.

– Я хотел, как лучше, – отвечает мне он.

– Для себя? – выгибаю бровь.

– Вы же не будете возражать, что я к вам присоединюсь?

Ингу явно цепляет момент, что мы ведем диалог, слегка про нее забыв, поэтому свой вопрос она озвучивает в утвердительной форме. И в этот же миг ее ладонь с ярко-алым маникюром опускается на плечо моего мужа.

От явной провокации у меня во рту пересыхает. Ну надо же, как далеко они горазды зайти.

Что ж, хотят открыто говорить, значит, поговорим открыто.

Деваться-то мне все равно некуда.

– И в качестве кого же ты присоединишься, дорогая? – поворачиваюсь к Дербениной, намертво приклеивая на лицо улыбку. – В статусе сестренки? Или уже в качестве беспутной девки, ой, прости, любовницы пока еще моего мужа?

– Не хами, Ида! Тебе не идет, – в привычной высокомерной манере заявляет мне Инга и все-таки опускается на стул, подставленный для нее возникшим из ниоткуда официантом.

Хмыкаю.

– Как давно правда стала считаться хамством? Впрочем, – продолжаю без паузы, – это уже не важно.

Удивительно твердой рукой тянусь к стакану с водой и делаю несколько глотков. Возвращаю его на место и только тогда отворачиваюсь и достаю из-за спины сумочку. А из нее подарок, привезенный мужу.

Только уже не вручаю ему – не заслужил, а под молчаливыми взглядами Щербакова и Дербениной открываю его сама.

– Я хотела бы вернуться к моменту «нет детей», Андрюша, – комментирую свои действия.

Снимаю крышку и откладываю ее в сторону. Из цветной мелконарезанной мягкой бумаги вынимаю кружевной белый носочек, сдергиваю его с тестовой полоски и последнюю бросаю мужу в тарелку.

Благо, на данный момент она удобно пуста.

– Так уж вышло, любимый, что ребенок у нас всё-таки есть, правда, пока только тут.

Накрываю ладонью свой еще пока плоский живот.

Замечаю, как бледнеют мужские щеки. Как темнеющий взгляд дико мечется от теста ко мне и обратно. Как впивается в мужскую кисть женская когтистая лапка с ярко-алым маникюром.

Щербаков сглатывает. Вижу, как нервно подпрыгивает при этом кадык у него на шее, а крылья носа раздуваются.

Жду, что осознает и будет извиняться за разыгранный глу-

пый концерт.

Но получаю еще один удар. Словесный и очень болезненный.

– Он мне не нужен, Ида.

Теперь уже сглатываю я. С трудом.

Ком в горле такой большой, что едва получается с ним справиться.

– Уверен?

– Да. Я... его не хотел... и... я увеличу твою долю на счете, чтобы ты сделала аборт.

Деньги... деньги... деньги...

Мерзко.

– Значит, аборт. Окей, – киваю.

Безумно хочется плакать, гормоны же, имею право, но я снова улыбаюсь и вскидываю руку вверх.

– Можно вас? – повышаю голос и прошу официанта подойти.

– Да, конечно, чего желаете?

Меня одаривают самой широкой улыбкой, заранее обещающей выполнение любого желания.

Вот и отлично.

– Принесите, пожалуйста, ручку и бумагу.

Парнишка на несколько секунд теряется, но профессионализм берет свое. Он кивает и исчезает. А менее чем через минуту мне приносят желаемое.
====

Приглашаю в еще одну свою книгу

"Разведёнка прилично за 40" <https://litnet.com/shrt/TmDS>

– Зоя, ты не представляешь, каким серьезным и страшным людям я должен денег. Но не волнуйся, – убеждает меня муж, заглядывая в глаза. – Я всё решу.
– Не волнуйся?! Решишь?! Как?
– Есть кое-какие варианты. Я уже всё придумал...

Муж предал и сбежал, квартиру отняли за долги, с работы попросили уйти по собственному желанию... Я думала, моя жизнь рухнула, и теперь остается просто выживать.
Но мир не без добрых людей... да и я еще могу удивлять! Причем, не только себя, но и окружающих!
Я – разведенка, которой прилично за 40, но это совершенно ни о чем не говорит!

Глава 9

ИДА

– Можно вас попросить еще об одном? Уберите со стола лишнюю посуду, – снова обращаюсь к официанту.

И как только тот выполняет мою просьбу, кладу перед Щербаковым белый лист и гелевую ручку.

– Пиши отказ, Андрей.

– Ид, ну что за концерт ты тут устроила?

Муж откидывается на спинку стула, ни к чему не спеша притрагиваться, и прожигает меня недовольным взглядом.

Но и я отступить не намерена.

– Концерт, мой дорогой устроила не я, а ты. Потому что именно ты решил потрясти своим грязным бельем на публику посреди ресторана. Я же всего лишь приняла твои правила игры и теперь отстаиваю собственные интересы.

– Да какие интересы? Какая игра? – сжимая кулаки, Щербаков слегка повышает голос. – Я же сказал, что ни в чем тебя не обделю. Прекращай уже притягивать к нам внимание.

– Я притягиваю?

– Ну а кто же?!

– Тш-ш-ш... не кричите, Андрюш, – моментально спешит успокоить моего мужа его заботливая «сестренка» и вновь забрасывает свою холеную ручку поверх его ладони. – Не надо шуметь и портить годами наработанную репутацию.

– Точно-точно, Андриюш, слушай свою статусную пассиву, – поддакиваю, с горечью осознавая, что зря спокойно воспринимала такое близкое между ними общение, как нормальное.

Давно стоило понять, что их подначки, шутки и нечастые, но постоянные переглядывания – это не родственная связь, как мне втиралось на постоянной, а нечто большее, или то, что со временем привело к большему, пока я была бессовестно слепа.

– Я всё ещё жду твоих действий, супруг мой, – произношу с подначкой и указываю Щербакову подбородком на лист бумаги, когда он неспешно, будто издеваясь, тянется к бокалу, поднимает его, подносит к губам и смакуя опустошает. – Давай уже с этим покончим раз и навсегда. Напиши отказ от ребенка, и я поеду домой. А ты наконец сможешь отметишь свою столь желанную свободу с моей заменой...

... изысканной и сексуальной. Добавляю мысленно.

Да, я хорошо запомнила качества, которых, как он заявил, во мне нет.

Обидно ли мне было слышать подобное от человека, который казался мне особенным?

Хочется задрать подбородок повыше и гордо ответить: «Нет». Но я никогда себе не врала раньше и сейчас не собираюсь. Да, Щербаков меня зацепил, неприятно и болезненно, потому что пусть я и не сияю глянцем, как Дербенина, да и ногти у меня не длинные и яркие, а короткие и нюдовые,

но это не говорит о том, что я ее хуже.

– Ид, ну хватит уже дурью маяться, – морщится муж, всем видом демонстрируя, как не нравятся ему мои слова. – И я, и ты понимаем, что мой отказ от ребенка, которого еще даже нет, потому что он не родился, это полная туфта. И бумажка, даже если я ее напишу, никогда не будет иметь никакой юридической силы.

Киваю.

– Ты прав, не будет.

– Ну и зачем тогда она тебе нужна? – усмехается он, но не так чтобы радостно, а как-то будто уставше.

Закидываю ногу на ногу, разглаживаю мягкую шерстяную ткань на колене и с преувеличенным вниманием стряхиваю на пол соринку. Только после этого поднимаю на Щербакова глаза и, не желая щадить его чувств, произношу:

– Для того, Андрей, чтобы в будущем не допускать ошибок.

– Каких ошибок, Ид?

– Элементарных, – растягиваю губы в циничной улыбке, которая точно не отражается в глазах. – Эта бумажка действительно будет туфтой с юридической точки зрения, но с моральной – очень даже полезной вещью. Для меня, чтобы не лить слезы и всегда помнить, какой ты на самом деле му-
дак, и для него, – снова накрываю свой живот ладонью, – чтобы в будущем четко объяснить и наглядно показать, каков на самом деле его биологический отец, и почему без него

нам жить гораздо лучше.

Андрей подается вперед. Упирается локтями в стол и прячет лицо в ладонях. Качает головой и растирает щеки, а когда убирает руки и сцепляет пальцы в замок, я слышу:

– Ида, я понимаю, что тебе сейчас неприятно и больно, поэтому ты стараешься сделать больно мне в ответ, но я принял решение и его не изменю.

– А я и не прошу его менять, – произношу серьезно. – Я прошу довести дело до конца. Не более. Так что давай, Андрей, будь уж мужиком до конца, сдержи слово. Сказал, что мой ребенок тебе не нужен, так подкрепи это делом.

– Андрюш, пожалуйста, – вмешивается в наш разговор Дербенина. – Подпиши и давай уже на этом закончим.

Шумно выдохнув, Щербаков не меньше минуты недовольным взглядом сверлит ни в чем неповинный лист, а затем резким отрывистым почерком пишет отказную. Размашисто ее подписывает и с такой силой ставит в конце точку, что едва не продырявливает бумагу.

– Еще одна просьба, последняя, – произношу, аккуратно забирая лист, складывая его пополам и еще пополам, и убирая в сумку, – договорись в ЗАГСе, чтобы нам не давали время на примирение. Ни к чему три месяца. Хочу уже в ноябре вернуть себе девичью фамилию.

– Ид, я не настаиваю на смене фамилии, – дергается почти бывший супруг. – У тебя же все документы на Щербакову оформлены. Зачем напрягаться, оставляй мою.

Боже, какая щедрость. Хоть в Красную книгу запись делай.

– Зато я хочу, Андрей. Мой ребенок будет только моим. И он будет Васильевым.

Глава 10

ИДА

Домой возвращаюсь на автопилоте. Спроси кто, как я общалась с водителем такси, называла ему адрес, расплачивалась и поднималась на свой этаж?

Не отвечу.

Как-то.

Ничего не помню. Лестница была или лифт? Попадались ли по пути соседи? Здравовалась ли я с ними или молча шла мимо?

Не алло! Белый лист в голове.

Но едва за спиной захлопывается дверь, апатия рассеивается, как призрачная дымка, и наконец-то включается мозг.

Именно в эту секунду одновременно происходят две вещи.

Первая. Я осознаю, что вот так, в одиночестве, я проведу следующие тридцать дней до развода. Щербаков услышал мою просьбу не появляться в этой квартире, раз уж он сам щедро решил оставить ее мне, и не мозолить глаза.

И вторая, я ни за что не покажу ни ему, ни его высокогородной вертихвостке, как больно они меня приложили, переквалифицировавшись из брата с сестрой в любовников и выкинув меня за борт, как ставший более ненужным балласт.

Это же не просто измена.

Не просто предательство.

Это плевок в лицо и нож в спину одновременно от двух людей, входивших в мой ближний круг и пользовавшихся абсолютным доверием.

— Хотя от двух ли? — усмехнувшись, рассуждаю вслух, скидывая неудобную обувь на высоких каблуках и с тихим стоном удовольствия становясь на полную стопу, сгибая и разгибая пальчики. — Там и папочка, и мамочка Щербаковы явно были в курсе. Не удивлюсь даже, узнав, что Андрей с Ингой действовали с их полного и всестороннего ободрения.

Крутые и богатые. Не то, что я.

Ну-ну.

В голове мелькает воспоминание, что в день смерти папы супруг тоже звал меня сходить в ресторан, но звонок мамы нарушил наши планы. Тогда еще в кабинет мужа заявила Дербенина и вела себя довольно нагло и провокационно. Я же, убитая горем и потерянная, особо не обращала на нее внимания.

Похоже, зря.

Кажется, именно тогда меня должны были отправить в отставку, как «неудобную царю» барышню, но трагедия внесла коррективы.

Самое жуткое из всего этого, что Щербаков, уже четко в тот момент зная, что собирается со мной разводиться, вел себя как заботливый муж, обнимал, целовал и занимался со мной сексом без защиты.

Господи, понимание, что он делал это с нами обеими одновременно, вызывает самый настоящий рвотный рефлекс.
Фу! Как же мерзко!

Мудак!

Ненавижу!

Прикрыв рот ладошкой, бегу в туалет и избавляюсь от всего того немногого, что успела съесть дома с утра. В ресторане кусок в горло не лез, пила только воду. Потом, немного придя в себя, очень долго умываюсь и полощу рот, стараясь убрать кислый привкус, а дальше, полностью раздевшись и скинув одежду на полу, забираюсь в душевую кабину.

Наверное, под водой я провожу очень долго, давая волю слезам, крикам, истерике и разрывающим душу эмоциям, потому что к тому моменту, когда выбираюсь на подрагивающих ногах в гостиную, закутанная в большое банное полотенце, горло болит, глаза режет, и сил хватает только на то, чтобы, пошатываясь, доковылять до дивана, свалиться на него мешком с картошкой и тут же уснуть беспробудным сном.

Но и во сне, как понимаю уже утром, боль в сердце не отпускает.

Просыпаюсь я с мыслью: «Вот и надо было так стараться, прихорашиваться, собираться несколько часов, наряжаться, чтобы в итоге услышать: «Ты обычная, Ида! Я подал на развод»!»

– Пусть тебе всё сторицей вернется, дорогой муженёк! –

выплываю пожелание, зацепившись глазами за нашу свадебную фотографию в рамке, стоящую на комод.

Но почти сразу отворачиваюсь, прикрываю глаза и растираю подушечками пальцев виски. Боль сердечную беспощадно начинает перебивать боль головная.

Только лежи – не лежи, сама она не пройдет.

С тихим стоном выпутываюсь из пледа, который уже вторую ночь служит мне верным помощником и, не глядя в зеркало, мимо которого прохожу – еще будет время полюбоваться на себя, «опухшую красавицу», иду в кухню. Достая но-шпу, разрешенную беременным, и отправляю таблетку в рот.

Дальше следует привычный набор действий: набрать воды, включить электрический чайник, пойти умыться – в моем случае снова принять душ, чтобы постараться привести волосы, превратившиеся за ночь в колтун, в божеский вид, и одеться.

Чай пью, забравшись с ногами в кресло, стоящее на лоджии. А когда чашка пустеет, озвучиваю вслух пришедшую в голову умную мысль:

– Чтобы после предательства не склеивать себя по кусочкам, надо заставить себя... не расклеиваться!

Жаль, что помимо умной мысли в голове не возникает четкого плана, как осуществить задуманное. Но сдаваться я не собираюсь, как и дальше лить слезы по недостойному мужику.

Ушел?

И скатертью дорога!

Значит, он – не мой человек.

А мой меня еще непременно найдет.

И вообще, мне ли быть в печали?

Я же на шее у него никогда не сидела, всегда работала и себя обеспечивала. Да, не так лихо зарабатывая, как Андрей, но и не до того, чтобы перебиваться с хлеба на воду. На икру и шампанское хватает.

А теперь, когда он решил от меня откупиться, чтобы остаться в белом пальтишке, вообще стану неприлично богатой дамой. Такой, что лет пять точно смогу не работать.

На пару-тройку минут даже проваливаюсь в себя, обдумывая вариант посидеть этот месяц дома, но, осмотревшись кругом, качаю головой.

Нет!

Еще чего!

Я люблю свою работу. А от того, что она бесит моего почти бывшего мужа, люблю ее еще сильнее!

Дальше поразмышлять о грядущем не позволяет затревоживший где-то в комнате телефон. Мелькает мысль забить и не ходить его искать. Сегодня у меня еще официальный выходной. Мужу я не нужна. Остальные, если надо, перезвонят.

Но телефон не успокаивается, будто кто-то очень настырный поставил цель: поднять даже мертвого.

С тихим стоном выбираюсь из кресла и иду на звук.

Глава 11

ИДА

Мобильник нахожу в прихожей на тумбе. Судя по всему, бросила его вчера на первую попавшуюся поблизости поверхность, как вошла, и благополучно забыла.

Зато кто-то не забыл обо мне. А вот кто – увидеть не успеваю. Экран гаснет прямо перед самым носом, а после и вовсе выдает, что зарядка на минимуме, и аппарат перед началом использования следует хотя бы зарядить.

– Да чтоб тебя! – фыркаю.

Но в спальню, где обычно лежит зарядное устройство, послушно иду.

Три пропущенных подряд. Чужак точно не стал бы так наяривать. Значит, кто-то свой, знакомый. А вдруг мама или Лёшка? Не дай бог, у них что-то там опять стряслось!

В итоге, пока телефон набирает первые десять процентов, успеваю неплохо себя накрутить. А уж когда экран все же включается и выдает информацию, что желал услышать меня мой брат, становится еще более тревожно.

– Да, Лекс? Что у вас там случилось? – выпаливаю в трубку, едва мелкий успевает алёкнуть.

– Тьфу, Ида! Ты чего орешь, как потерпевшая? – осаждает меня Лешка и с обидой в голосе добавляет. – Спасибо, систер, я теперь точно на одно ухо оглохну!

– Да, мли-ин! Извини. Нервы ни к черту! – говорю заметно тише, однако через секунду припоминаю три пропущенных. – То есть у вас всё в порядке? И у тебя, и у мамы?

– Абсолютно. Все живы и здоровы. Не паникуй.

– А на кой фиг ты тогда названиваешь, как не в себе? – снова наезжаю, но уже по-доброму, так как облегчение рулит языком.

– Да потому что твой благоверный мне позвонил и шороху навел.

Ответ брата на целую минуту стопорит работу моего мозга.

Андрей ему звонил? Я не ослышалась?

Перевариваю информацию, блуждая взглядом по спальне. И только когда замечаю свое хмуро-недоуменное выражение в зеркале, исправляю его на прилично-нормальное – насколько это возможно после вечера и ночи, проведенных в сопливой истерике – и негромко прошу:

– Лёхич, пожалуйста, еще раз медленно повтори, что ты сказал?

Братишка шумно выдыхает, но послушно исполняет просьбу:

– Пятнадцать минут назад мне позвонил Щербаков. Сказал, что вы с ним разводитесь. Просил связаться с тобой и убедиться, что всё в порядке. Он за тебя переживает.

– Да ты что?! – меня аж на веселье разбирает. – Каков подлец-молодец! Переживает он обо мне, гусь, млин, лапчатый!

Лёшка молча выслушивает мой слегка истеричный выпад, после чего все так же спокойно интересуется:

– Вы чего, Ид, реально разводиться собрались?

– Ага! – выдаю на выдохе. – Удивлён?

– Естественно. Вы ж ничего такого нам у нас не говорили.

– Так как бы я вам рассказала, братиш, если сама только вчера эту новость узнала, – снова отвечаю со смешком.

– В смысле?

«В коромысле», – отбрываю мысленно и в красках описываю любимому родственнику вчерашний вечер откровений «дорогого» супруга. А по факту безбожно жалуюсь.

Да, жалуюсь! Хочу, могу, делаю!

Я – девочка и мне можно. И неважно, что я старше, а Лешка младше. Группа поддержки из него выходит суперская. А уж когда Васильев обещает прилететь ко мне сюда и мужу-кобелю вырвать руки и ноги, поменять их местами, а детородный отросток вообще отчекрыжить на хрен, будто бальзам на израненную душу льет.

Обожаю его! Защитник мой золотой!

Естественно, я не позволю Лёшке пачкать руки, мараясь о всяких недостойных, но слушать грозные обещания, приправленные русским смачным трехэтажным матом, мне очень и очень нравится.

Почему нет?

Мы – люди простые. Жителей поднебесной из себя не строим и причастностью к высшему обществу не кичимся.

Лишь о своей беременности, жалуясь, в разговоре умалчиваю. Не хочу, чтобы родные этот месяц больше необходимого за меня волновались. Тем более, что «переживающий обо мне» Щербаков этот факт им тоже не озвучил.

– Так что, Ид? – заставляет вынырнуть из мыслей воинственный голос братишки. – Я билет до Питера беру?

– Бери, но только на ноябрь, – слегка остужаю Алешкин пыл. А то он, по ходу, не только билет брать собрался, но и битую деревянную покупать. – Я как раз развод к этому моменту получу, поможешь мне вещи собрать.

– Погоди... я правильно понимаю, что ты решила домой вернуться? – вкрадчиво уточняет брат. Будто моя идея его настолько в хорошем смысле слова поражает, что он боится раньше времени кричать и радоваться.

– Правильно, Лекс. Не хочу тут одна оставаться. С вами пока жить буду. Ты ж не против?

– Дурочка! Я только «за»! Да и мама обрадуется.

– Ну и отлично. И еще, Лёш, если тебе Щербаков снова позвонит, просто его игнорируй или шли лесом. А мне даже просто так звони в любое время суток. Окей?

– Конечно, сестренка. И ты тоже. Я всегда готов выслушать и... если надо, прилететь, ну и дальше по плану.

– Папиным бизнесом занимайся, защитник! Тут я и сама пока справляюсь, – говорю и понимаю, что абсолютно уверена в своих словах.

Сегодня, переспав с проблемой, я больше не сомневаюсь,

что выстою и не сломаюсь. Не пойду ко дну и не опущу из-за мерзавца руки. Я просто приму произошедшее, как опыт, стану сильнее, и непременно еще буду счастлива.

Хотя... почему «буду»?

Я и сейчас счастлива.

Я жива, здорова, жду ребенка, которого всегда хотела, и наконец-то избавлена от общества обманщика, который не только обесценивал меня, как женщину, как личность, он меня не любил и предавал ежедневно, считая это нормальным.

Передав маме огромный привет, прощаюсь с Алексеем и оставляю телефон заряжаться дальше. Сама иду забрать чашку с балкона и вымыть. Дальше в голове кручу мысли, чего вкусенького мне для себя приготовить. Не собираюсь морить себя голодом или в чем-то ущемлять.

Проверив наличие продуктов в холодильнике, решаю заказать доставку. Для этого снова возвращаюсь за телефоном и замечаю сообщение, пришедшее от абонента «Николай Zeekr».

«Добрый день, Ида! Я не передумал на счет аэрографии, поэтому решил напомнить вам о себе», – читаю его месседжи, улыбнувшись, сразу печатаю ответ:

«Добрый день, Николай! Рада, что не передумали. Предлагаю созвониться через час и провести ваше тестирование, как договаривались ранее»

Новое смс прилетает буквально через пару секунд:

«Отлично! Буду ждать звонка».

 Приглашаю в свою новинку **"Бывшие. Вернуть всё назад"** <https://litnet.com/shrt/vZZn>

– Мама? Ты – мама?
 Андрей впивается в меня взглядом. Пронзительным и одновременно удивленным.
 – Я? – глупо переспрашиваю.
 Но в следующую секунду, когда подлетевшая Дашка обнимает меня своими маленькими, худенькими ручонками и, задрав светловолосую макушку, заглядывает ясными голубыми озерами в мои глаза, уверенно соглашаюсь.
 – Да. Я – мама.
 – Значит, у тебя дочка, – кивает сам себе Данилевич и вдруг хмурится, обжигает меня холодом. – Она моя?

 Мы не виделись семь лет. Я, честно, уже и не надеялась. Ведь для этого кое-кто приложил туеву кучу усилий. Буквально стер меня как личность и переписал жизни всех моих родных заново.
 И на тебе, пожалуйста, чудеса случаются. Даже когда их уже не ждешь. Даже против воли наделенных властью небожителей.

Глава 12

ИДА

Легкое, необременительное общение с малознакомым мужчиной, не брезгующим отвечать на мои зачастую заковыристые вопросы, к месту шутить и порой мило флиртовать, просто потому что он – уверенный в себе мужчина, а я – симпатичная женщина, не только незаметно помогает мне расслабиться, поднимает настроение, но и вселяет уверенность, что моё утверждение «всё будет хорошо» находится даже ближе, чем я думала.

– Ну как, Ида, мои ответы приоткрыли вам завесу тайны моего характера, интересов и того, что подойдет именно мне по стилю?

Вопрос Николая звучит как раз в тот момент, когда я перевожу взгляд на настенные кварцевые часы и с удивлением замечаю, что длинная стрелка сделала один полный оборот и уже уверенно пошла на второй, а наше общение все еще продолжается.

Ничего себе увлеклись. Я с подругами столько не болтаю.

– Не поверите, Николай, но отвечу вам утвердительно. Да, приоткрыли, – отвечаю с улыбкой в голосе.

– Хм, как интересно. А вы прямо сейчас можете описать меня парой-тройкой фраз? Ну так, чтобы проверить, получается у нас или нет.

– Попытаюсь, – соглашаюсь, выбираясь из кресла, куда забралась с ногами во время разговора.

Из-за долгого сидения в одной позе, икры успели немного занеметь и стали неприятно покалывать иголочками. Чтобы разогнать кровь, несколько раз перекатываю с пятки на носок и обратно и потираю ногу о ногу.

Удостоверившись, что стою нормально, и коленки в самый ответственный момент не подогнутся, устремляюсь в сторону кухни, чтобы включить чайник.

Приложение на телефоне информирует, что курьер с едой подъедет в течение ближайших десяти-пятнадцати минут, а значит уже очень скоро я смогу насладиться заказанной творожной запеканкой с курагой и изюмом, блинчиками с ветчиной и сыром и горячим крепким чаем с моими любимыми венскими вафлями с шоколадом.

– Ваши отличительные черты, Николай, это умение легко сходиться с людьми и налаживать контакты, легкость и открытость в общении и в тоже время порывистость и зачастую резкость в суждениях, – даю оценку мужчине, прижав мобильник плечом к щеке.

Вырвав лист из лежащего на подоконнике блокнота, встряхиваю из коробки цветные карандаши, черным изображаю контуры машины, а фиолетовым на заднем крыле рисую зигзаг молнии – вариант сам собой вспыхивает в голове, и я старательно переношу его на бумагу.

Не факт, конечно, что именно его буду использовать в

итоге, но лучше запечатлею, а после подумаю над деталями и прочим.

Может быть, именно стихия позже приглянется Николаю. Гроза как раз в его стиле.

– Ого, какие интересные выводы?! А с чего вы взяли, что во мне есть резкость, Ида? С вами я точно всегда был мил.

Хозяин шикарного черного зикра спрашивает меня без наезда, не скрывая веселья в голосе и вместе с тем самого живого интереса.

Складывается ощущение, что то, что я назвала именно эту его не самую положительную черту, как раз впечатлило его больше всего.

– Не обессудьте, Николай, но я оставляю свои методы оценки личности в секрете, – ухожу от прямого ответа.

Не говорить же, что стала невольной свидетельницей его короткого разговора по телефону еще там, в автосервисе, принадлежавшем раньше папе. И да, в тот момент мужчина был резким и вспыльчивым со своим невидимым собеседником, но и отходчивым одновременно, так как спустя несколько минут уже смеялся, что я тоже успела заметить.

– Ида, вы меня заинтриговали, клянусь. Теперь я еще больше хочу увидеть вариант аэрографии, какой подойдет, по вашему мнению, именно мне.

Мне импонирует, что Николай не настаивает на ответе и легко возвращается к цели беседы. Поймав себя, что снова улыбаюсь, решаю сказать чуть больше, чем собиралась:

– С удовольствием ее для вас сделаю и, если вы не сильно торопитесь с воплощением, то могу предложить свои услуги и по непосредственному нанесению на кузов. Правда, не раньше, чем через месяц-полтора.

– О, собираетесь вернуться на родину?

– Угадали.

С решением мой собеседник практически не медлит.

– Что ж, Ида. Не буду скрывать, я загуглил ваши работы в сети и нахожусь под очень приятным впечатлением. Они шикарные, – похвала бальзамом льется на мое израненное сердце. Как и твердое... – поэтому обещаю, что подожду столько, сколько нужно, если моим мастером-аэрографистом будете именно вы.

– Благодарю за доверие.

Прощаемся с Николаем довольные друг другом.

Спустя десять минут звонок в домофон информирует меня о подоспевших вкусняшках. Радостная, что не надо никуда выходить, даю курьеру хорошие чаевые и весь вечер провожу у телевизора. Гляжу старые мелодрамы, ем то, что хочет мой организм, и пью безалкогольное вино.

Отмечаю не одиночество, будущую свободу.

А уже на следующее утро выхожу на работу.

Да-да-да, художницей. Малевать на машинах, как грубо описал мой труд Андрей Щербаков. Чтоб ему, гаду, икалось!

Глава 13

ИДА

Октябрь проходит сложно, потому что я учусь жить по-новому, ориентируясь только на себя и свои желания, но... всё-таки проходит, как и всё в этой жизни. В свои права вступает ноябрь.

Я меняю утепленную одежду на еще более теплую и всячески забочусь о своем здоровье. Болеть мне противопоказано.

В остальном же этот период моей жизни смахивает на день сурка.

Подъем в половине восьмого утра, плотный завтрак. Поездка в автосервис, работа до семи-восьми часов вечера, в зависимости от настроения и усталости. И возвращение в родные пенаты через кондитерскую или продуктовый магазин.

Беременность все четче дает о себе знать меняющимися вкусовыми предпочтениями. Так что в один день я хочу тортик, в другой малосольной селедочки с картошкой в мундире, а уже на третий творога со сгущенкой и почему-то желтых помидоров черри.

Ни в чем себе не отказываю.

Кого ж мне еще баловать, как не себя любимую?!

Вечерами часто созваниваюсь с мамой и болтаю с ней по полчаса или часу. Я поддерживаю ее, она поддерживает ме-

ня, но при этом большую часть времени мы говорим о чем-то отвлеченном. А после, положив трубку, я каждый раз позитивно удивляюсь: как мы сумели найти темы для разговора, если, кажется, только вчера обсудили всё, что было можно и нельзя?

С Алешкой мы общаемся чуть реже, и разговоры у нас в основном касаются автосервиса, но в эти моменты я как никогда отвлекаюсь, понимая, что мне не просто хочется помогать брату, мне на самом деле интересно этим заниматься.

Стараясь самой себе не напоминать страуса, прячущего голову в песок, я не делаю вид, что у меня всё прекрасно, а муж просто надолго уехал в командировку. На работе я общаю о своем скоро меняющемся семейном положении и четко информирую, что в середине ноября планирую уволиться и покинуть город.

Начальство сначала пытается отговорить, сулит бонусы и премию, но, поняв, что дело это окончательное и хорошо обдуманное, быстро смиряется и даже благодарит за возможность начать заранее искать на мое место замену.

Следующим пунктом плана на первые же выходные я ставлю избавление от всего лишнего, что имеется в квартире.

Заказываю в строительном магазине двадцать картонных коробок и с десятков мешков и половину из них заполняю вещами Щербакова. Шмотки, обувь, личные вещицы с его рабочего стола, подарки, врученные ему на дни рождения,

но так и оставшиеся большей частью лежать в шкафах. Даже принтер, пауэрбанк, ношенные домашние тапки и его любимое банное полотенце с золотой вышивкой, которое дарила ему мать на прошлый новый год, – всё упаковываю.

Мне из его вещей ничего не нужно.

Как и не нужно всё то, что напоминает о прошлом, возврата к которому никогда не будет.

Поэтому отдельной кучей собираю вещи, что не поедут в мою новую жизнь. В мусорный мешок летит свадебное платье и аксессуары к нему, альбом с фотографиями семейной жизни, подаренные свекровью хрустальная пара фужеров и статуэтка с голубями, а еще море всякой всячины, неизвестно когда успевшей захлестнуть дом.

Первое отправляю курьерской службой Андрею в офис. Второе за несколько раз выношу в мусорные баки.

А едва закончив и вернувшись, слышу, как раздается мелодия входящего вызова.

Чье имя высвечивается на экране, догадываюсь раньше, чем вынимаю телефон из кармана куртки.

– Ида, обязательно было направлять мои вещи в офис? – с ходу вопрошает Щербаков, игнорируя приветствие. – Решила выставить меня перед подчиненными идиотом?

Отвечаю ему в том же духе, аналогично забывая сказать: «Здравствуй».

– Я решила избавиться от хлама, Андрей, не более. Поэтому твой отправила тебе, а свой вынесла на помойку. Что

до вопроса про идиота, так это абсолютно не мои проблемы – кем и перед кем ты себяставляешь.

– Понятно! Ты меня ненавидишь и мстишь! – выдыхает Щербаков с таким апломбом, будто из-за меня рушится его идеальный мир. Правда через пару секунд берёт себя в руки и говорит совершенно иначе, мягче и вкрадчивей. – Ид, ну зачем ты так? Мы же не враги друг другу. Неужели ты не могла мне позвонить или написать, чтобы узнать новый адрес проживания?

– Это тот, где живет твоя любовница? – уточняю, не испытывая ни капли вины или стыда за свой поступок. Ловлю тишину, подсказывающую, что попала точно в цель, и на волне подъема настроения добавляю. – А с какого лешего я обязана делать твою жизнь беззаботнее и легче, Андрюш? Только потому, что ты к этому привык? Так отвыкай, пусть теперь тебе твоя идеальная спутница в попу дует. И потом, вместо того чтобы истерить, распорядись переслать коробки в дом к Дербениной или куда хочешь. А можешь вообще вывезти их на помойку, и дело с концом. Просто меня в это больше не втягивай.

Речь получается длинной, но Андрей меня не перебивает. Наверное, переваривает мое настроение. Ведь я не плачу, а говорю четко, бодро и не скрывая ехидства.

– Ид, у тебя всё хорошо? – уточняет муж, когда я замолкаю.

Хмыкаю и качаю головой.

Какой же он... двуличный. Фу!

Тем не менее отвечаю с улыбкой в голосе.

– Да, Андрей, всё прекрасно. Можете с Дербениной за меня порадоваться, сломать вам меня не удалось.

Тут же следуют нападки:

– Не говори ерунды. Никто не хотел...

– До свидания, мой будущий бывший муж, – нагло его перебиваю, не желая слушать ложь. – Через пару недель встретимся для подписания всех бумаг, а теперь я прошу соблюдать нашу договоренность и дальше. Не звони мне. Никогда.

И первая разрываю соединение.

Плачу ли я после этого?

Нет.

Откладываю телефон в сторону и иду есть мороженое.

Фисташковое.

А потом шоколадное.

Потому что хочется. И то, и другое.

В следующие выходные я собираю в коробки уже собственные вещи, которые хочу забрать с собой к маме. Одежду, памятные сувениры, мелочевку, любимую посуду. Тогда же связываюсь с риэлтором иставляю квартиру на продажу. Параллельно начинаю штудировать цены на жилье в Сочи и окрестностях.

Все же я привыкла жить одна. И уже сейчас понимаю, что с мамой и братом мне будет хорошо, как с помощниками, но одной все же лучше. Да и их напрягать постоянно – это не

дело.

Глава 14

ИДА

– Ида Артёмовна, прочитайте внимательно договор и приложения и, если вас всё устраивает, подпишите, пожалуйста, здесь, – долговязый, заметно сутулый мужчина с залысинами на висках, обратным концом авторучки тыкает в нужные места документа, – здесь и здесь.

Следом за первым на стол передо мной опускаются еще три печатных экземпляра.

– Хорошо, я поняла.

Дожидаюсь, когда он отойдет и перестанет стоять над душой, после чего сосредотачиваюсь на сухом деловом тексте.

– Как ты себя чувствуешь? Воды хочешь? Не душно? Если что, Ид, сразу говори. Я попрошу, они откроют окно, – с самой серьезной миной на лице шепчет мне Самкова Ирина, накрывая мою ладонь своей.

Ну как шепчет?

Громко.

Так, чтобы каждый из присутствующих в кабинете мужчин, включая Щербакова, был в курсе, кто здесь на самом деле самая важная персона и кто решает, подпишем мы сегодня документы и разойдемся с миром, или же будем встречаться еще раз. И еще. Или все пять раз.

– Нормально, Ирин, ничего не надо.

– Ты уверена, дорогая? – выгибает темную бровь лучший в Питере адвокат по семейному праву, которого посоветовал мне один благодарный клиент.

Точнее, он сам нас познакомил и договорился, чтобы Ирина Николаевна представляла мои интересы, потому что иначе эта акула в мире юриспруденции мне без личных связей не светила.

Очередь к этой одновременно очень красивой и невероятно умной женщине расписана на долгие месяцы вперед. А учитывая тот факт, что она – молодая мамочка, которая не так давно вышла из декрета и работает лишь на полставки, ясно, что от клиентов у нее отбоя нет, и выбирает их она очень внимательно и скрупулезно.

Мы с ней на удивление быстро сумели найти общий язык и перейти с официоза на дружескую ступень. Хотелось бы думать, что в мою пользу сыграла моя личная харизма и умение располагать к себе людей, но больше верю, что Самкову за живое зацепила расписка Щербакова, отказавшегося от собственного ребенка, которую я в числе прочих документов предоставила ей, чтобы обозначить, с чем в случае согласия ей придется иметь дело.

– Да, Ирин, уверена. Всё хорошо.

– Окей.

Самкова кивает, принимая мой ответ, но в ее глазах так и светится обещание: дай мне лишь повод, и эти членистоногие будут у нас по струнке ходить.

Кажется, остальные тоже четко считают подобное развитие событий, потому что второй адвокат Андрея, симпатичный сорокалетний блондин с зелеными глазами, решает отвлечь моего адвоката. Вспоминает какой-то случай, где они с Ириной пересекались, начинает разглагольствовать и шутить... но уже на третьей фразе получает четкое и лаконичное:

– Тишину поймайте, пожалуйста, Максим Тимурович. Иначе мы с Идой Артемовной возьмем паузу на изучение документов в отдельном от вас месте. Хотите затянуть процесс и дать мне повод отнять у вашего клиента еще что-нибудь?..

Осмотрев троих мужчин острым, все подмечающим взглядом и чуть дольше задержавшись на Щербакове, она дожидается извинений от блондина, после чего, как и я, углубляется в текст документа.

– Что скажешь по списку, Ида? Устраивает? – двадцать минут спустя интересуется она у меня, заметив, что я закончила читать приложение с перечнем активов, переходящих мне при разводе.

Растягиваю губы в улыбке и, отчетливо понимая, что хамлю, открыто говорю:

– Да Ирина Николаевна. Хоть в чем-то мой пока еще не бывший муж держит слово.

– Надо же какая прелесть, – поддакивает мне Самкова с таким едким сарказмом, что ни у кого не остается сомнений, какого низкого мнения она о Щербакове и его щедрости.

Еще бы... к тому, что он предлагал изначально, моя адвокат умудрилась отпилить еще почти треть.

Час спустя я становлюсь неприлично богатой и, главное, свободной женщиной, и мы с Ириной покидаем чужую адвокатскую контору.

– Как ты? – интересуется Самкова, остановившись вместе со мной на широком крыльце и скользя по моему лицу невероятно внимательным взглядом.

– Хотелось бы сказать, что отлично, – признаюсь ей, держа губы в подобии улыбки, и тут же качаю головой, – но на самом деле мне до сих пор больно, Ир.

– Терять всегда больно, Ида. Даже если внутри себя четко понимаешь, что это правильно.

Наши взгляды на какое-то время соединяются, и я четко вижу направленную в свою сторону поддержку и участие.

Пожимаю плечами и первая отворачиваюсь, точнее, запрокидываю голову вверх, глядя на бегущие по небу свинцовые тучи.

– Очень надеюсь, что скоро стану относиться к этому легче.

– О, не сомневайся, непременно станешь. Твой малыш тебе в этом поможет. Причем, уже довольно скоро, – в голосе Самковой нет ни капли сомнений. – Еще немного погоди, животик подрастет, и ты целиком и полностью переключишься на свою беременность, которая, поверь мне, будет поражать и удивлять тебя чем-то новым практически еже-

дневно. То желанием съесть что-то странное, то в десятый раз сбегать в туалет, то мечтами выпасться на животе, то разговорами с этим самым животом, потому что в нем поселился футболист, который душевно пинает тебя по ребрам каждый вечер.

Слушаю признания тепло улыбающейся Ирины и не могу сдержать тихого, но искреннего смеха. Все, что она говорит, так мило и вместе с тем желанно, что я не хочу пропускать ничего из ею перечисленного. Пусть оно всё будет. Много. Часто.

А Самкова продолжает говорить дальше:

– А потом родится твое сокровище, и тогда на грусть и печали уже не останется ни одного лишнего мгновения. Жизненные цели и ориентиры сменятся, Идочка. Ты обретишь свой личный смысл жизни, и сама не заметишь, как постепенно отпустишь прошлое и откроешь сердце для чего-то нового и обязательно хорошего.

– Звучит оптимистично.

Ирина мне подмигивает и, достав из портфеля брелок, щелкает сигнализацией.

– Так и задумано. А теперь ныряй в мою машину, отказы не принимаются. Едем в одно тихое, но очень классное место есть вкусняшки и отмечать твою свободу и мое очередное завершённое дело.

– А машина? – киваю на свою БМВ.

– Мы за ней позже вернемся, – заявляет Самкова, но,

вдруг бросив взгляд на окна второго этажа, хитро ухмыляется. – А лучше попросим одного моего хорошего товарища ее забрать и перегнать. Пусть любопытные Варвары, елозящие носами по стеклу, головы сломают, думая, что это за симпатичный мужчина у тебя уже появился.

– А давай. Я не против, – заряжаюсь Ирининым весельем.

И еще час спустя под ее наставления заказываю себе в небольшом уютном ресторанчике всякие вкусности.

– Отрывайся, Ида, пока можешь, – по-доброму советует мне сидящая напротив молодая женщина, с сожалением разглядывая красочное меню. – Как станешь кормящей мамочкой, все это останется в прошлом. Клянусь, я гречку и чай с молоком уже ненавижу!

Смеюсь, но киваю.

Ей виднее, а у меня все впереди.

Через неделю я получаю новый паспорт, в котором значится моя девичья фамилия Васильева. А еще через одну подписываю договор купли-продажи и без сожалений покидаю квартиру, где я пусть и была счастлива, но очень и очень недолго.

– Привет, братиш! Ты же меня встретишь? – перед посадкой в самолет звоню Алешке и смагиваю слезы радости, когда слышу вопль ликования и обещание...

– Юх-ху! Наконец-то, систер! Я заждался. Конечно встречу. Буду в аэропорту с шариками, не потеряемся.

И этот шалопай действительно встречает меня с разно-

цветными гелиевыми шариками, а еще с мамой, которая обнимает и целует меня в щеки, не уставая повторять:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.